

Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия.

Часть I. Обской диалект мансийского языка¹

В 2011 г. во время работы с архивом М. А. Кастрена в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки было обнаружено, что в его записях зафиксировано разноместное ударение в южнохантыйских диалектах на Иртыше. Это чрезвычайно ценные данные, поскольку в настоящее время южнохантыйских диалектов уже нет. В списке М. А. Кастрена представлено около 200 слов — в подавляющем большинстве непроемных существительных и глаголов в форме PRS.1SG или PST.1SG и инфинитива. В инфинитивах ударение падает всегда на первый слог, а в косвенных падежах имен и в форме PRS.1SG или PST.1SG глаголов ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Какую-либо зависимость от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставили нас предположить, что в южнохантыйских диалектах в непроемных словах было представлено парадигматическое фонологически значимое ударение².

С тех пор в рамках грантов РФФИ, РГНФ и Президента РФ нашим коллективом ведется работа по выявлению систем разноместного ударения в обско-угорских языках. Была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где в результате контактов с местной администрацией было установлено, что там проживают ханты или манси, владеющие родным языком. С. В. Онина провела две экспедиции к носителям низямского диалекта хантыйского языка, проживающим в настоящее время на р. Назым, и сама была опрошена в качестве носителя шурышкарского диалекта. М. К. Амелина провела экспедиции к носителям казымского, среднеобского и салымского диалектов хантыйского языка и к носителям юкондинского диалекта мансийского языка. Е. В. Коровина участвовала в экспедиции М. К. Амелиной и записала словник сургутского диалекта хантыйского языка. И. А. Стенин провел экспедицию к носителям обского диалекта мансийского языка. Кроме того, коллектив под руководством А. И. Кузнецовой любезно предоставил нам для анализа цифровые аудиозаписи своих многолетних экспедиций к северным хантам.

В салымском³ и сургутском диалектах, которые считаются восточнохантыйскими, в низямском диалекте хантыйского языка, промежуточном между северо- и юго-западными, в юкондинском и обском диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение. В каждом диалекте был записан полный словник всей исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей языка⁴. В настоящее время наша группа ведет обработку полученных данных, и этимологические аудиословари этих диалектов в черновом варианте доступны на сайте <http://ldbata.at.isprsas.ru/>. Параллельно ведется обработка архивных данных по хантыйским диалектам, в которых отмечено разноместное ударение.

Первые интересные результаты, полученные после описания отдельных систем ударения и сопоставления их между собой, опубликованы в статьях [Норманская 2013, 2014]. В работе [Норманская 2013] приведены результаты анализа места ударения в васюганском диалекте по архивным данным, собранным Л. И. Калининой в 50—60-х гг. XX в. Оказалось, что правило постановки ударения зависит от части речи. В глаголах и местоимениях ударение парадигматическое, и его место зависит от типа аф-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 14-06-00271а и МД-7005.2015.6.

² В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем: «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом: 1) в корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно; 2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000: 10].

³ Этот диалект относится, по данным предшествующих исследователей (см. [Nikolaeva 1999]), к уже исчезнувшему. М. К. Амелина нашла несколько десятков людей, хорошо владеющих диалектом, но из них лишь одна женщина, Каюкова Светлана Петровна, согласилась сотрудничать.

⁴ Исключение составляет салымский диалект, где словник был записан от одной носительницы и не полностью.

фикса. В именах ударение фиксировано на первом или втором слоге. Закрепление ударения за определенным гласным, видимо, произошло достаточно давно, когда гласные первого слога в восточных диалектах еще сохраняли прахантыйское качество. Если в первом слоге слова был прахантыйский гласный верхнего подъема, то ударение стало фиксированным на втором слоге, в других случаях — на первом слоге. Таким образом, васюганская система ударения имеет уникальный характер, в имени и глаголе представлено два различных типа ударения: в глаголе — разноместное парадигматическое, в имени — фиксированное в зависимости от фонемного состава словоформы.

В работе [Норманская 2014] было показано, что в непроизводных словах место ударения в современном низямском диалекте и южнохантыйских данных М. А. Кастрена, записанных на Иртыше, полностью совпадает. В словообразовательных производных в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроизводных форм в словаре не позволяет установить акцентный тип корня. Таким образом, древним (по крайней мере, празападнохантыйским) следует считать парадигматическое ударение, представленное в непроизводных именах и парадигме глагола, поскольку оно зафиксировано как в промежуточном низямском диалекте, так и в южнохантыйских диалектах.

В настоящей статье, которая продолжает цикл работ, посвященных описанию разноместного ударения в обско-угорских языках, мы решили остановиться на разноместном ударении в мансийских диалектах и показать, что оно имеет нетривиальные параллели в южнохантыйских материалах М. А. Кастрена.

Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе [Munkácsi 1894]. Он приводит парадигмы глагола для восточных, западных и южных мансийских диалектов, и видно, что у части глаголов ударение фиксировано на первом слоге, а у других подвижное ударение. К сожалению, материал, приведенный в этой монографии, нельзя назвать исчерпывающим. В качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводятся несколько лексем, в которых место ударения в западных и особенно восточных диалектах отмечено лишь спорадически. Для южного диалекта ударение на первом или втором слоге отмечено во всех формах, и видно, что есть как минимум две глагольные акцентные парадигмы. В одной ударение фиксировано на первом слоге, а в другой оно в настоящем и прошедшем времени во всех формах падает на второй слог, а в будущем времени — на первый. Таким образом, работа [Munkácsi 1894] является ценным свидетельством того, что он отмечал разноместное ударение в парадигме глагола во всех группах диалектов, за исключением северных, но практически не дает информации о том, в каких именно лексемах ударение было фиксированным, а в каких разноместным. Значительно более информативным в этом плане является словарь [Munkácsi, Kálmán 1986]. В нем практически для каждой глагольной южномансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени. Спорадически также в словаре приводятся и другие глагольные формы, в которых также часто присутствует ударение на втором слоге. К сожалению, в словаре отсутствуют данные о разноместном ударении в восточных и западных диалектах, которое было отмечено в монографии. Для южных диалектов регулярно приводится только одна глагольная форма третьего лица множественного числа настоящего времени, по которой можно судить, относился ли глагол к первой или второй акцентной парадигме, место ударения в которых указано в [Munkácsi 1894].

В материалах А. Каннисто также отмечено ударение в южномансийских диалектах. Однако в недавно опубликованном словаре [Kannisto 1982] в двухсложных словах или основах ударение в тавдинском диалекте всегда стоит на втором слоге, как в глаголах, так и в именах. Этот факт отмечен и в монографии [Honti 1975: 15].

Таким образом, наблюдается противоречие между данными Б. Мункачи и А. Каннисто. В именах, по Б. Мункачи, в тавдинском диалекте ударение всегда падает на первый слог, по материалам А. Каннисто, — на второй. В тех глаголах, в которых, по А. Каннисто, ударение фиксировано на втором слоге основы, по Б. Мункачи, оно может быть в форме третьего лица множественного числа настоящего времени как на первом слоге, так и на втором.

Как объяснить это противоречие, в настоящее время не вполне ясно. Известно, что материалы А. Каннисто отличаются большей фонетической точностью, по сравнению с материалами Б. Мункачи, поэтому в работе [Honti 1982] именно на их основе выстраивается междиалектное сравнение фонетики мансийских диалектов. По материалам Б. Мункачи такое сравнение нам сделать не удалось. С другой стороны, как будет показано ниже, удастся установить регулярные соответствия между нашими полевыми данными, архивными записями М. А. Кастрена и тавдинскими материалами Б. Мункачи, поэтому кажется неверным просто счесть материалы [Munkácsi 1894; Munkácsi, Kálmán 1986] в плане места ударения ошибочными. Нельзя исключить, что в работах [Munkácsi 1894; Munkácsi, Kálmán 1986] и [Kannisto 1982] представлены разные говоры тавдинского диалекта, которые различались среди прочего и местом ударения.

Материал о полексемном распределении акцентных кривых в восточно- и западномансийском диалектах также в научной литературе приведен не был. В настоящее время западномансийские диалекты уже исчезли⁵. Но в 2015 г. во время работы в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки был найден словарь верхнепелымского диалекта (западномансийского) [Словцов 1905]. В этом словаре представлено 424 западномансийских лексемы, для некоторых глагольных лексем приведены отдельные словоизменительные формы, например: *Кáйтoмы* ‘бежим’, *Кáйтoмь* ‘бегу’ [Словцов 1905: 4]; *Кáртэхть* ‘курят’, *Кáртыва* ‘курим’, *Кáртээнъ* ‘куришь’, *Кáртээмь* ‘курю’ [Словцов 1905: 15—16]; *Морээмь* ‘веришь’, *Морэумь* ‘верю’ [Словцов 1905: 5]; *Кульптыма* ‘оставляю’, *Кульптэнь* ‘оставь!’ [Словцов 1905: 20].

На основании анализа этих и других примеров видно, что в верхнепелымском диалекте мансийского языка были как минимум две глагольные парадигмы: одна — с ударением, фиксированным на корне, другая — с ударением в ряде слов на втором слоге.

Разноместное ударение в северномансийских диалектах, насколько нам известно, отмечено ранее не было.

В первой части статьи мы остановимся на системе ударения в глагольной парадигме в обском (северном) диалекте мансийского языка и ее внешних соответствиях. Вторая часть статьи будет посвящена системе ударения в юкондинском (восточном) диалекте мансийского языка.

В 2013 г. И. А. Стенин предпринял экспедицию в два населенных пункта Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа: д. Нижние Нарыкары и с. Перегрёбное. Он опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка из д. Нижние Нарыкары: Бутариной Галины Васильевны, Куликовой Нины Иосифовны, Матвеевой Зинаиды Яковлевны, Плехановой Клавдии Семеновны — и от двух носителей из с. Перегрёбное — Гындышевой Таисии Григорьевны и Ярлиной Евдокии Григорьевны. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60-ти лет. В детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык.

Фонетические отличия обского диалекта от мансийского литературного языка кратко описаны в [Ромбандеева 1973; Сайнахова 2012], но авторы подчеркивали, что в целом обской диалект фактически не изучен. Вероятно, поэтому ранее исследователи не отмечали наличия разноместного ударения в обском глаголе.

В результате анализа в программе Praat полевого материала, собранного в 2013 г. И. А. Стениным и нарезанного на отдельные словоформы, было установлено, что в обском диалекте мансийского языка выделяются три глагольные акцентные парадигмы.

В формах настоящего времени изъявительного наклонения акцентные кривые выглядят следующим образом (см. Табл. 1)⁶.

Таблица 1

	I а. п. (ударение на корне)	II а. п. (ударение на окончании)	III а. п. (ударение разноместное)
PRS.1SG	<i>tóvtegu</i> ‘я жую’	<i>pilégúu</i> ‘я боюсь’	<i>jóm'egu</i> ‘я иду’
PRS.2SG	<i>tóvtegen</i> ‘ты жуешь’	<i>pilégen</i> ‘ты боишься’	<i>jóm'egen</i> ‘ты идешь’
PRS.3SG	<i>tóvte</i> ‘он жует’	<i>pilí</i> ‘она боится’	<i>jómi</i> ‘он идет’
PRS.1DU	<i>tóvtim'en</i> ‘мы (двое) жуем’	<i>pilim'én</i> ‘мы (двое) боимся’	<i>jómim'en</i> ‘мы (двое) идем’
PRS.2DU	<i>tóvtian</i> ‘вы (двое) жуете’	<i>piliján</i> ‘вы (двое) боитесь’	<i>jomiján</i> ‘вы (двое) идете’
PRS.3DU	<i>tóvteh</i> ‘они (двое) жуют’	<i>piléh</i> ‘они (двое) боятся’	<i>jom'éh</i> ‘они (двое) идут’
PRS.1PL	<i>tóvteve</i> ‘мы жуем’	<i>pilév</i> ‘мы боимся’	<i>jom'év</i> ‘мы идем’
PRS.2PL	<i>tóvtian</i> ‘вы жуете’	<i>piliján</i> ‘вы боитесь’	<i>jomiján</i> ‘вы идете’
PRS.3PL	<i>tóvteget</i> ‘они жуют’	<i>pilévət</i> ‘они боятся’	<i>jom'égat</i> ‘они идут’

⁵ Западные диалекты, по данным [Ромбандеева 1973], исчезли уже в 70-х гг. прошлого века.

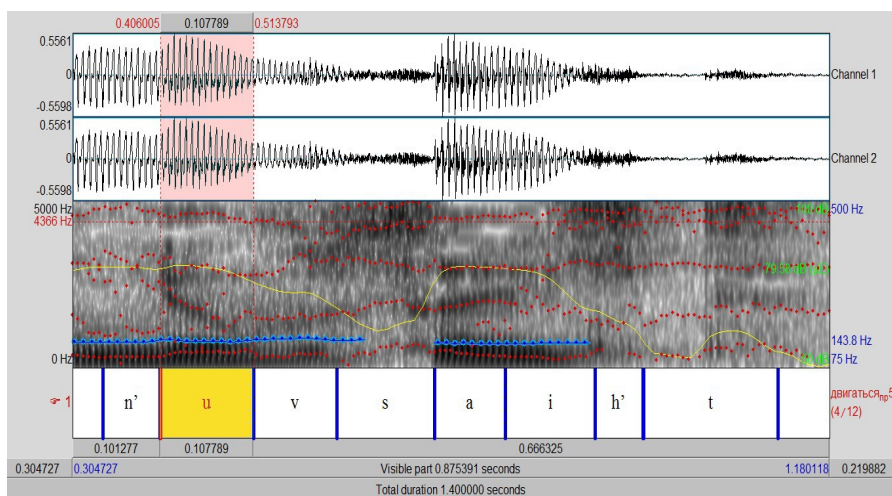
⁶ Место ударения в других глагольных словоформах нуждается в дальнейшем изучении, поскольку в ходе опроса материал по ним был собран далеко не в полном объеме.

Кривая разноместного ударения в III а. п. в атематических глаголах может быть несколько иной. Но во всех случаях форма 3SG имеет ударение на корне, а форма 3PL — ударение на окончании, поэтому далее в качестве диагностических форм выбраны именно эти.

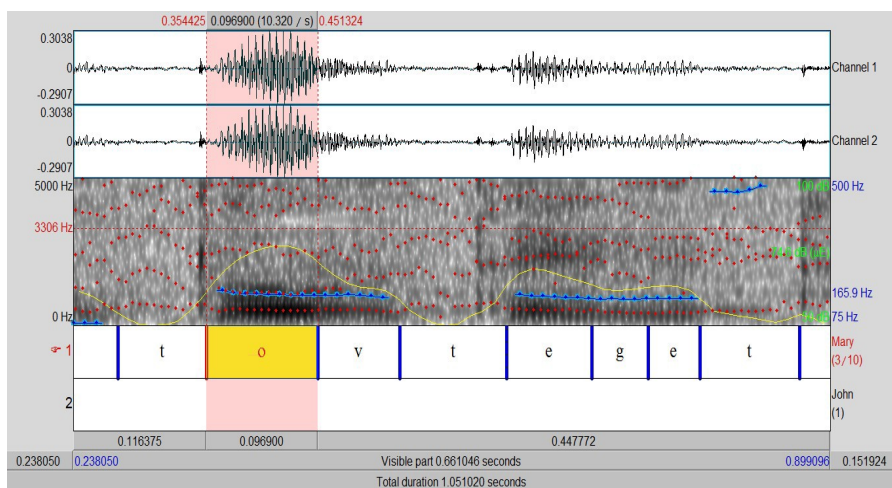
В следующем разделе настоящей работы мы приводим полный список случаев, когда глагол обского диалекта имеет параллель в тавдинском диалекте по [Munkácsi, Kálmán 1986], также для этих лексем приводятся рефлексы мансийского слова в иртышских южнохантыйских материалах М. А. Кастрена. Низямские хантыйские формы в настоящей работе мы опускаем, поскольку материал по ним собран в значительно меньшем объеме, чем у М. А. Кастрена, а место ударения во всех случаях соответствует иртышским словоформам.

I. Ударение в парадигме фиксировано на корне в обском (северном) и тавдинском (южном) диалектах мансийского языка:

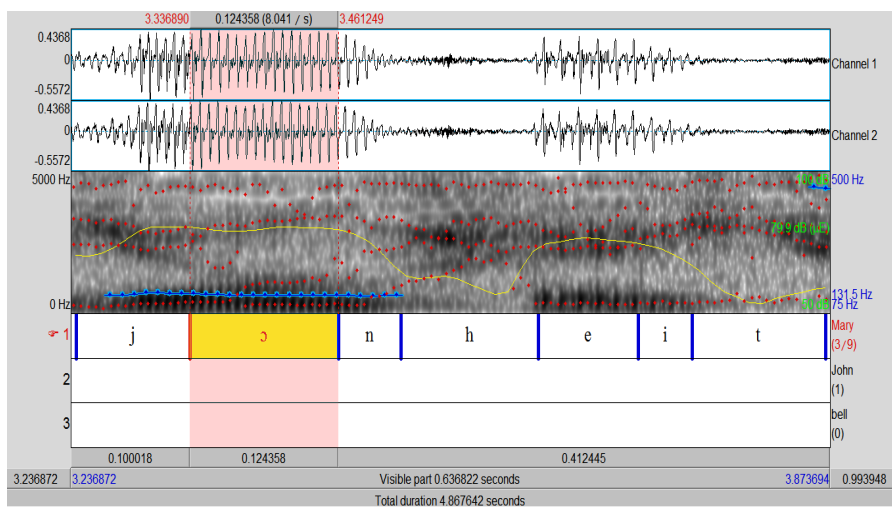
об. *n'úvsaih't* 'они двигаются' — тавд. *ńuwánt, ńuwant* 'они двигаются' [Munkácsi, Kálmán 1986: 372];

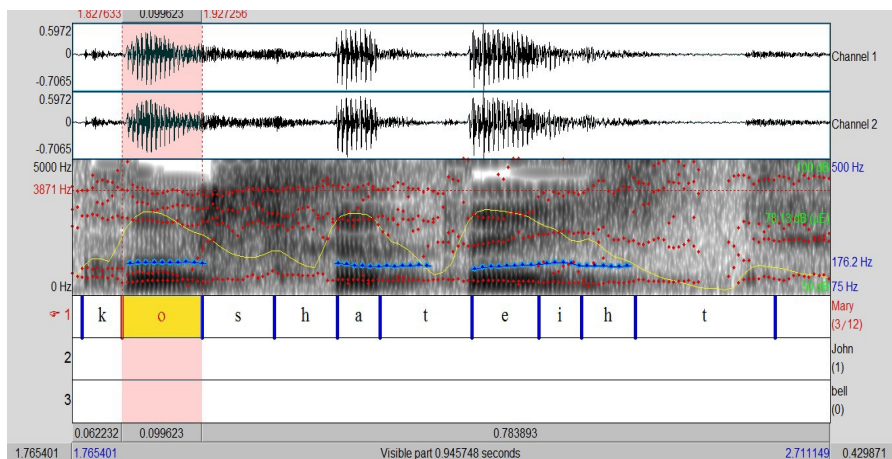
об. *tónvetet* 'они жуют' — тавд. *táut-* 'жевать' [Munkácsi, Kálmán 1986: 669] — хант. юж. ирт. *Togodém* 'жую' [Кастрен рукопись];

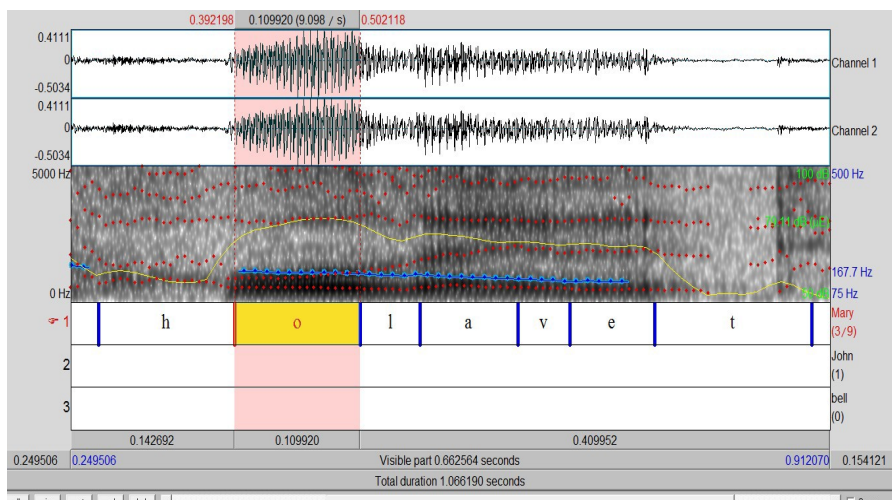
об. *jónheit* ‘они поворачиваются’ — тавд. *jāŋant*, *jaŋuánt*, *jāŋánt*, *jāŋānt* ‘они поворачиваются’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 172];

об. *kóshateiht* ‘они скребут’ — тавд. *kunšānt* ‘они царапают, скребут’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 239];

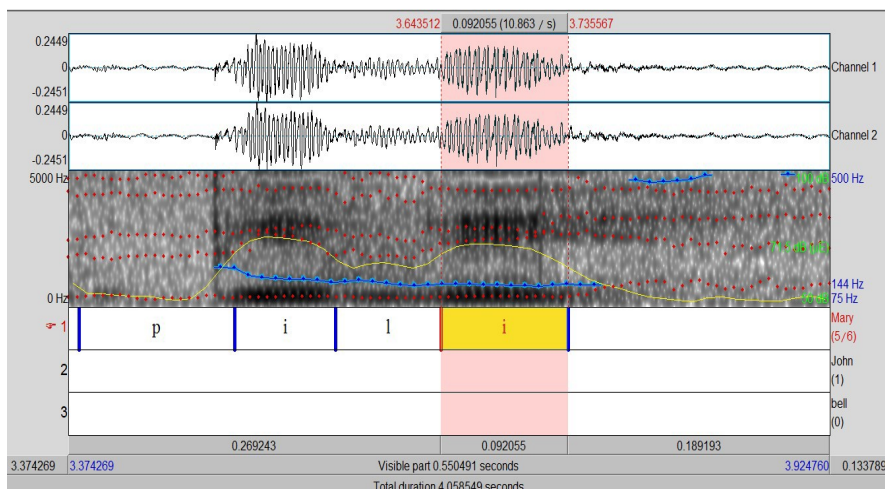
об. *hólavet* ‘они слышат’ — тавд. *khâlãnt* ‘они слышат’, *khãlkhãtãl* ‘быть слышимым’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 100]⁷ — хант. юж. ирт. *Xudém* ‘слушаю’ [Кастрен рукопись].

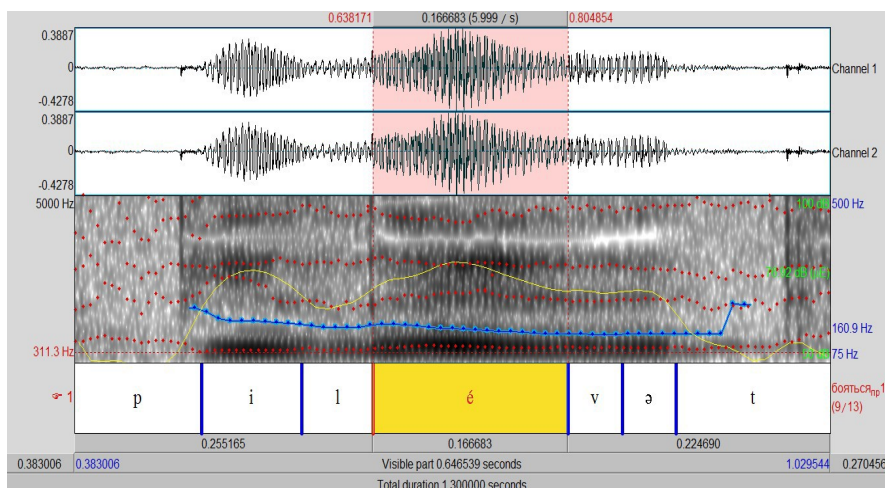
⁷ В этом случае в тавдинском диалекте мансийского языка представлен незакономерный рефлекс ударения — в PRS.3PL оно на втором слоге. Однако в других производных оно на первом слоге, поэтому нельзя исключить в этом случае ошибку записи.

II. Ударение в парадигме фиксировано на окончании в обском (северном) и тавдинском (южном) диалектах мансийского языка:

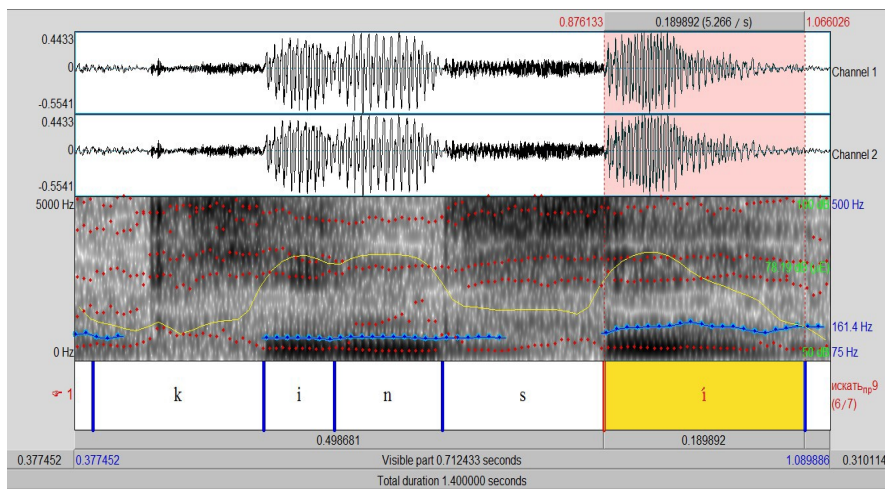
об. *pilí* ‘он боится’;

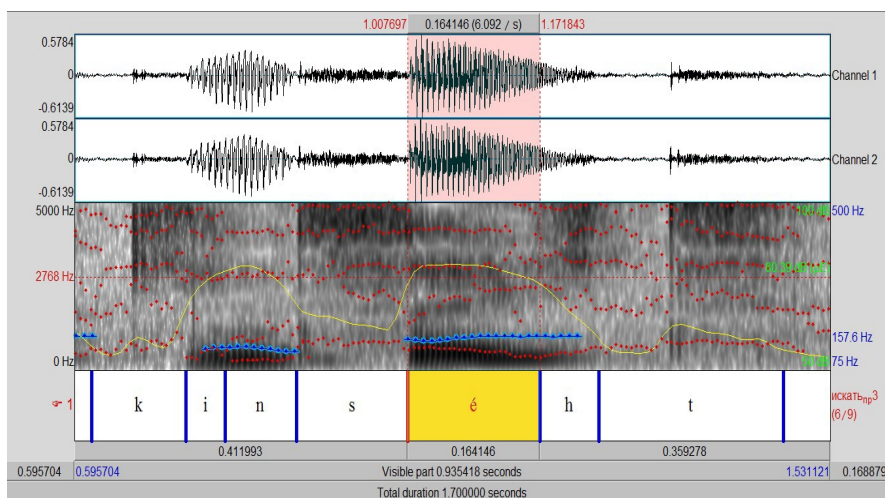
об. *pilévət* ‘они боятся’ — тавд. *pilä`nt, pil`ä`nt* ‘они боятся’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 440] — хант. юж. ирт. *Pédem* ‘я боюсь’ [Кастрен рукопись];

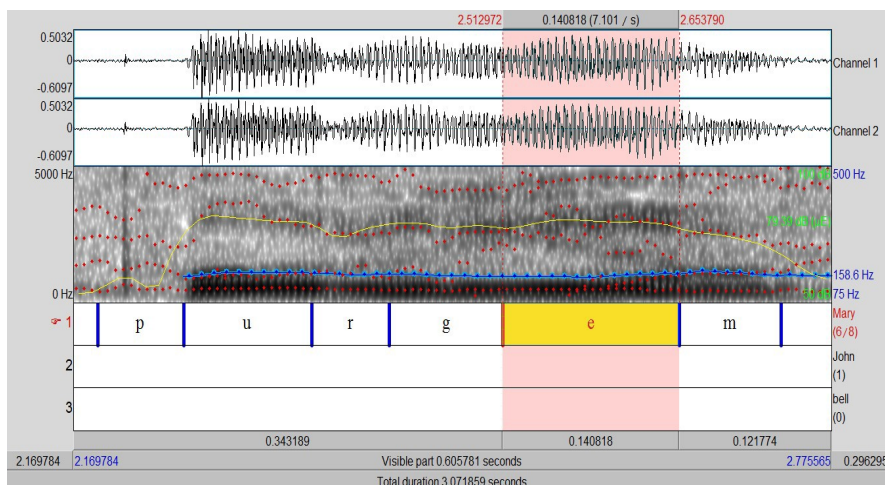
об. *kínsí* ‘он ищет’;

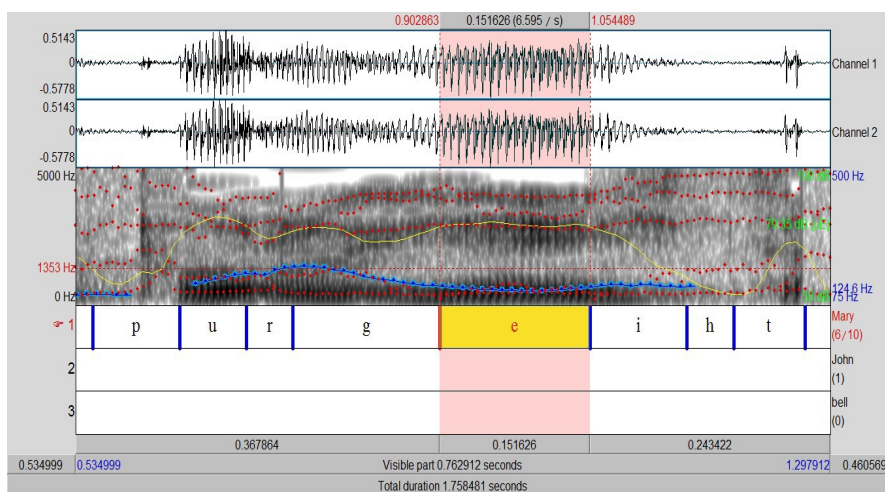
об. *kinséht* ‘они ищут’ — тавд. *kénsä`nt* ‘они ищут’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 213] — хант. юж. ирт. *Kénds'em* ‘я ищу’ [Кастрен рукопись];

об. *purgém*⁸ ‘он прыгает’;

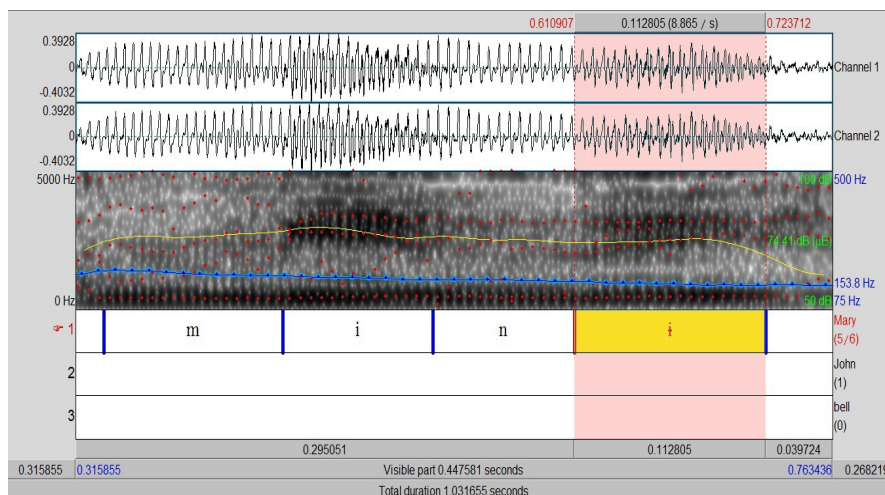

об. *purgéiht* ‘они прыгают’ — тавд. *purχä`nt* ‘они прыгают’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 457];

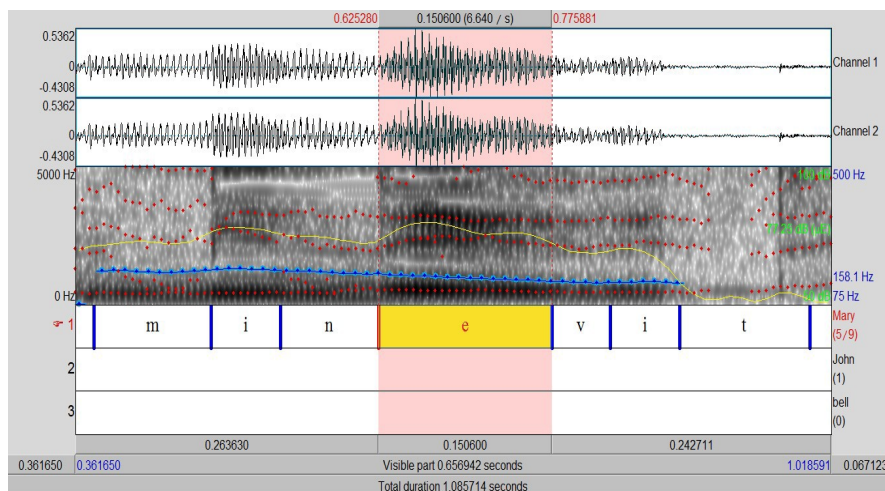

⁸ Такая нерегулярная форма была дана при опросе для PRS.3SG. Возможно, носительница ошиблась, и это форма PRS.1SG, которая также может свидетельствовать об ударении на корне в формах единственного числа.

об. *mini* ‘он уходит’;

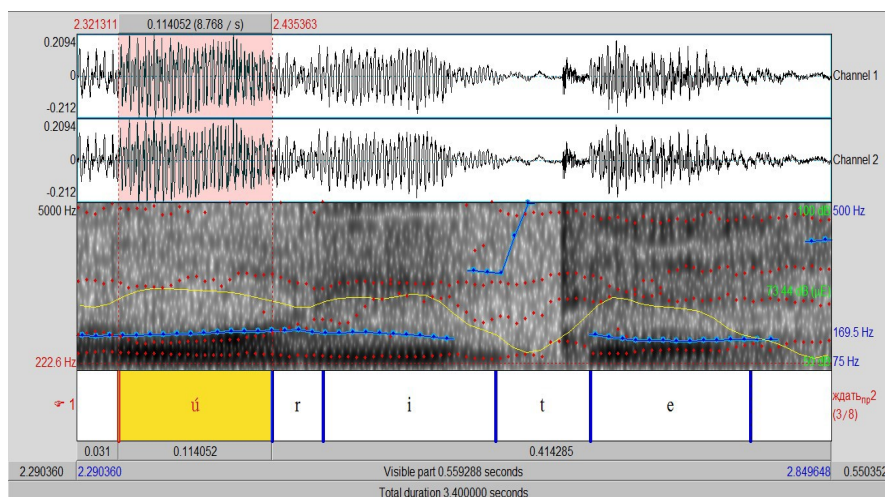
об. *minévit* ‘они уходят’ — тавд. *miñä nt* ‘они уходят’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 307] — хант. юж. ирт. *Ménnetum* ‘я ухожу’ [Кастрен рукопись].

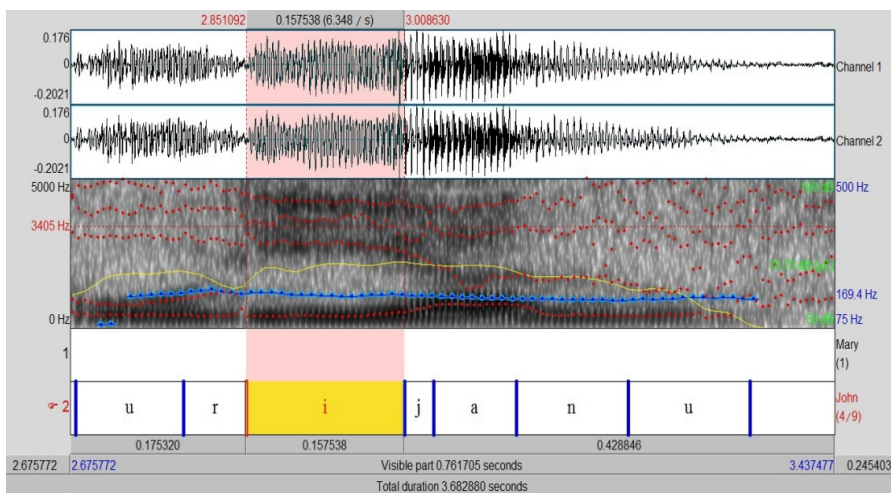
III. Ударение в глагольной парадигме разноместное в обском (северном) диалекте мансийского языка

III(a). В тавдинском (южном) диалекте мансийского языка в PRS.3PL ударение на втором слоге:

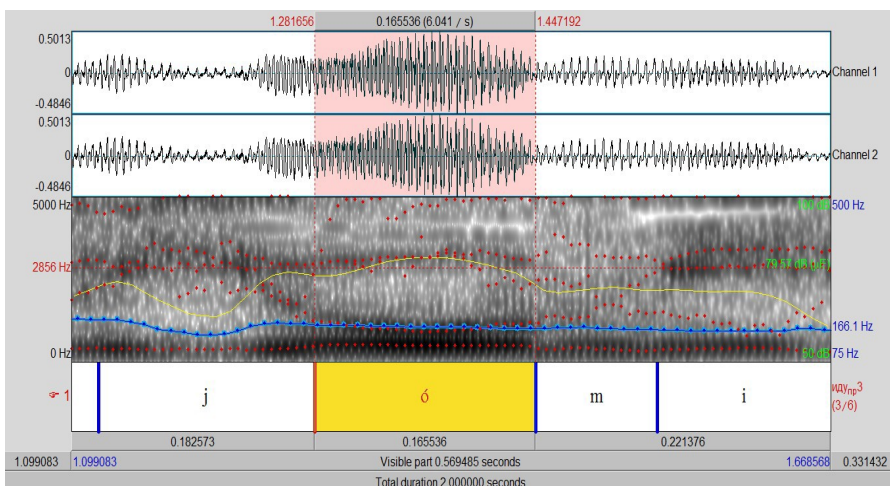
об. *úrite* ‘он ждет’;

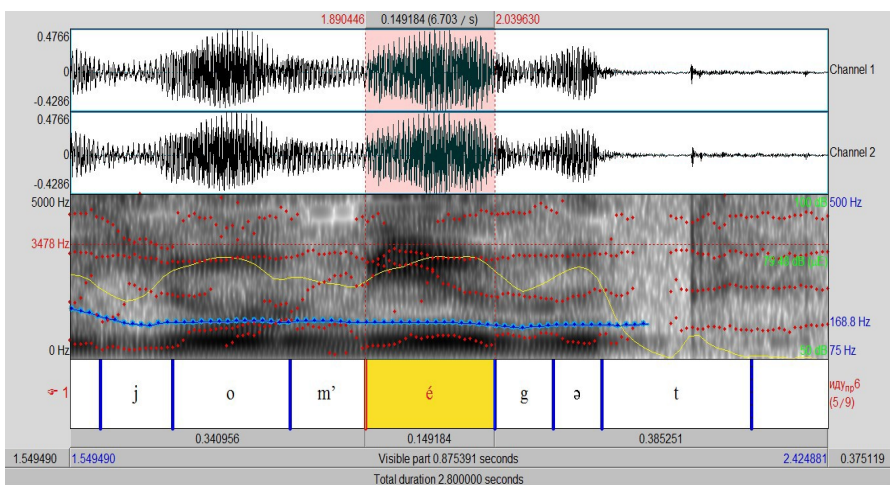
об. *urijan* 'они ждут' — тавд. *urã'nt* 'они ждут' [Munkácsi, Kálmán 1986: 703];

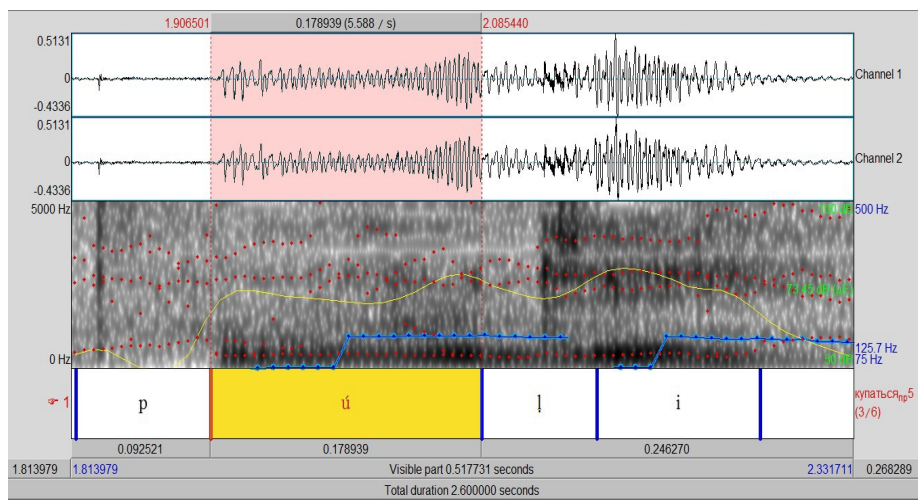
об. *jóti* 'он идет';

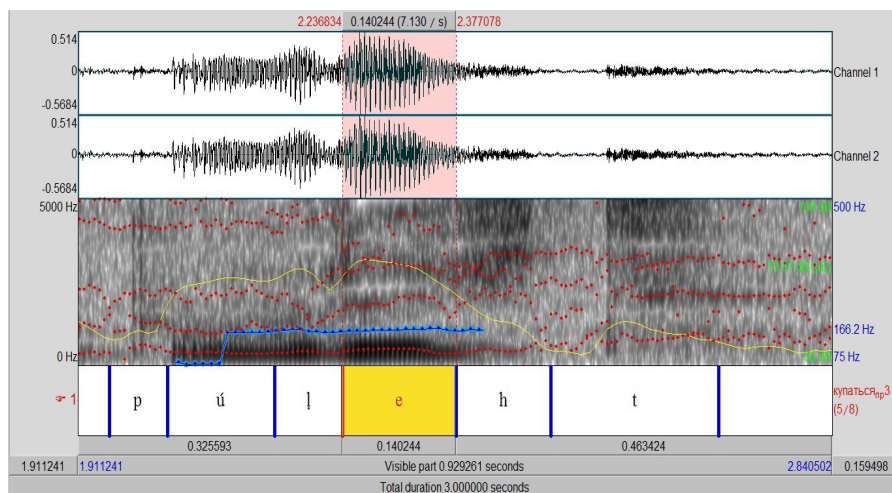
об. *jom'égat* 'они идут' — тавд. *jama'nt* 'они идут' [Munkácsi, Kálmán 1986: 171];

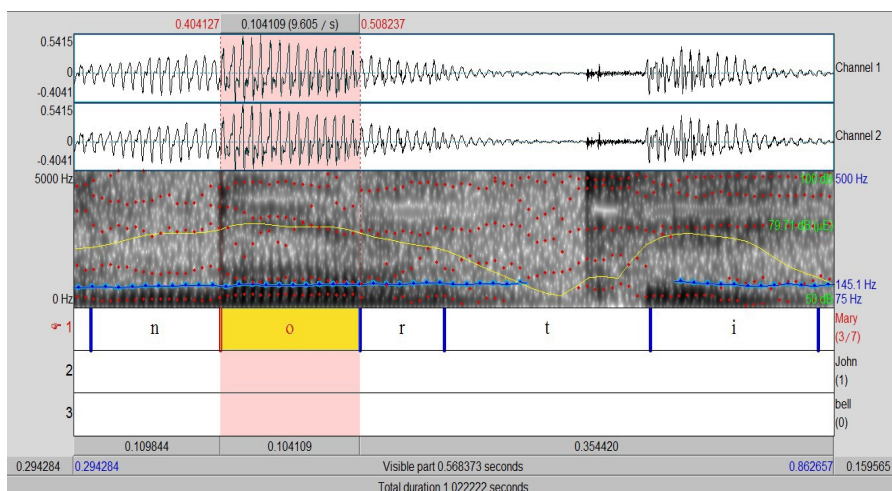
об. *púli* ‘он купается’;

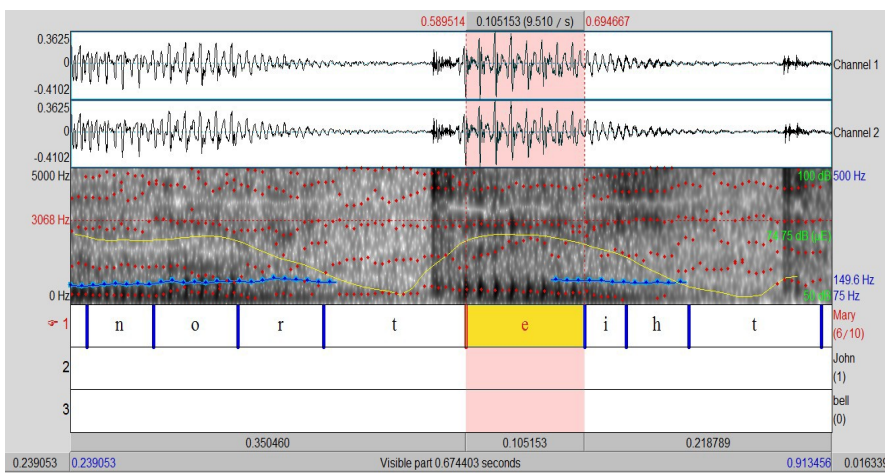
об. *púléht* ‘они купаются’ — тавд. *pəulā l-* ‘они купаются’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 474] — хант. юж. ирг. *Pegeđem* ‘я купаюсь’ [Кастрен рукопись];

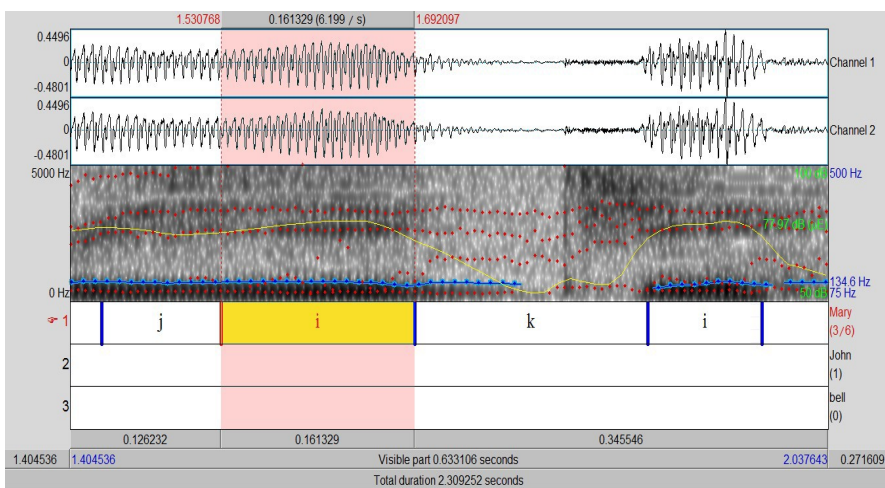
об. *pórti* ‘он покрывает’;

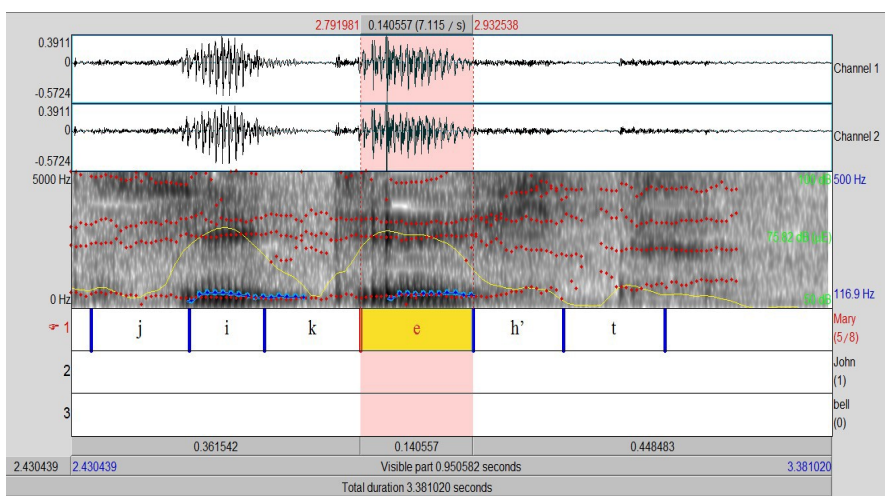
об. *nortéiht* ‘они покрывают’ — тавд. *ńarta`nt, ńarta`nt* ‘они покрывают’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 343];

об. *jiki* ‘он танцует’;

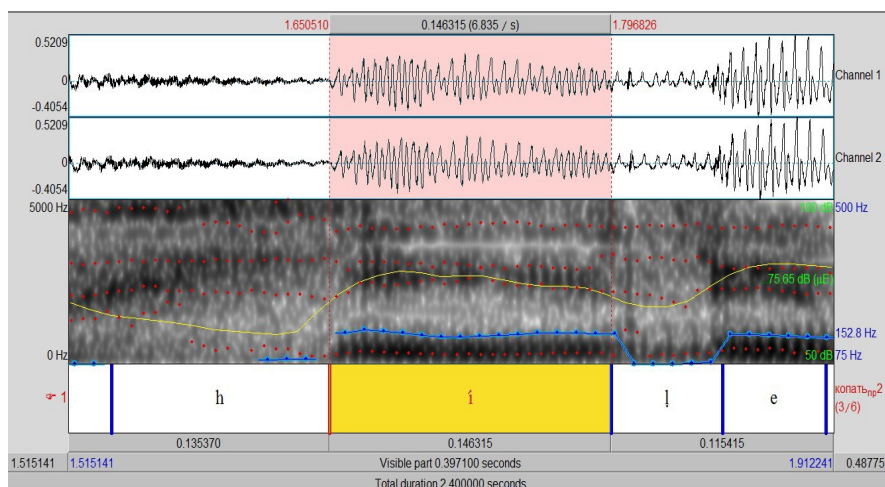

об. *jikéh't* ‘они танцуют’ — хант. юж. ирт. *Jagém* ‘я танцую’ [Кастрен рукопись].

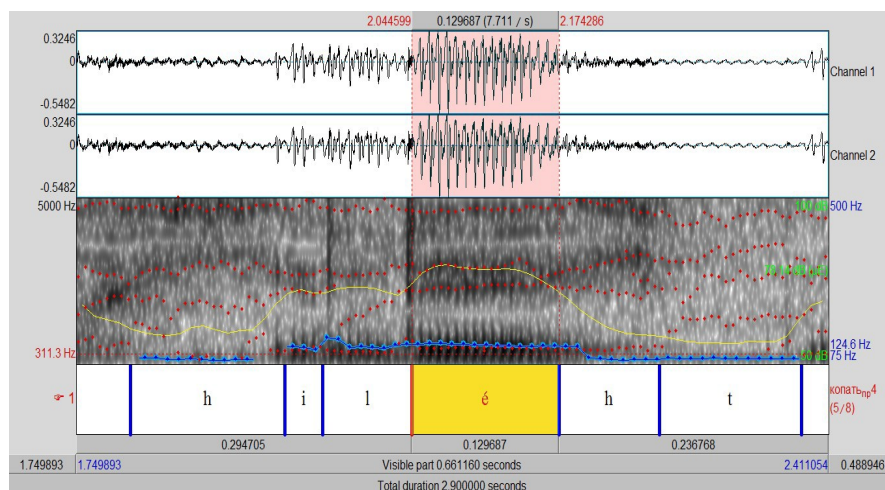

**III(б). В тавдинском (южном) диалекте мансийского языка
в PRS.3PL ударение на первом слоге:**

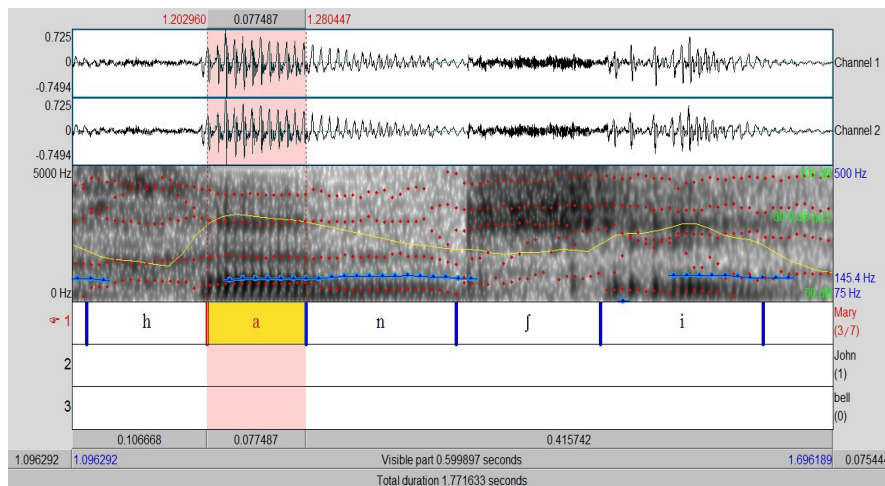
об. *híle* ‘он копает’;

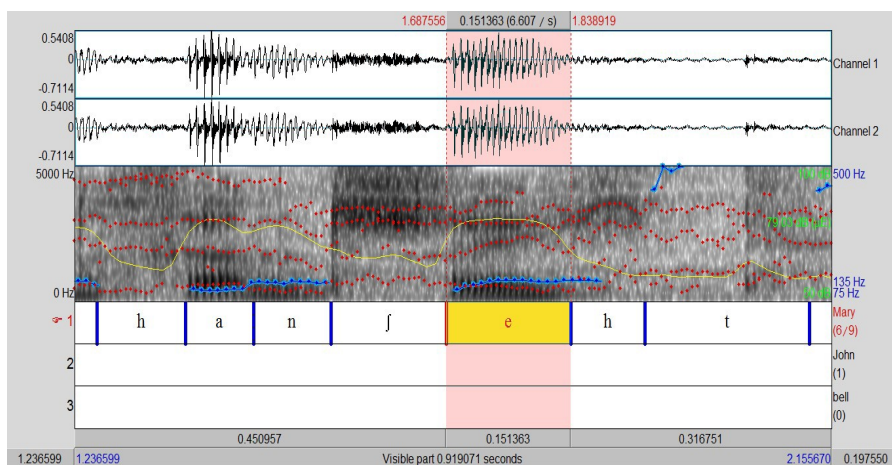
об. *híleht* ‘они копают’ — тавд. *khalänt, khal'änt* ‘они копают’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 89];

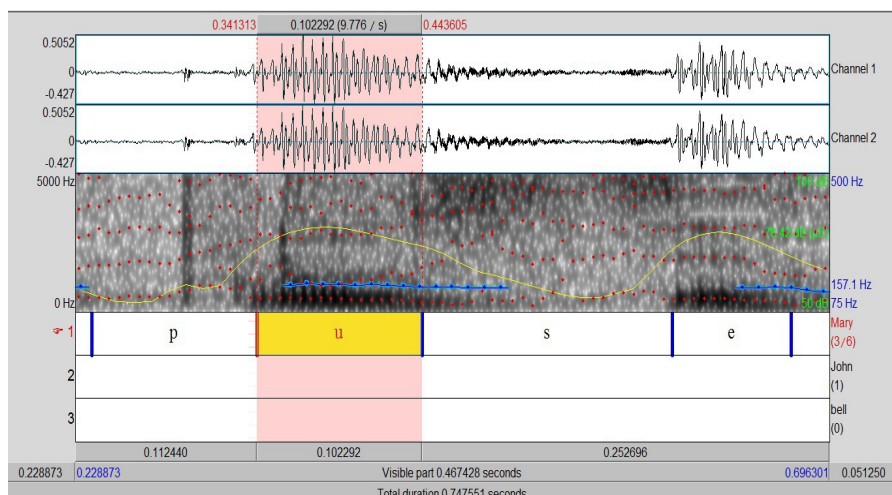
об. *hánfi* ‘он пишет’;

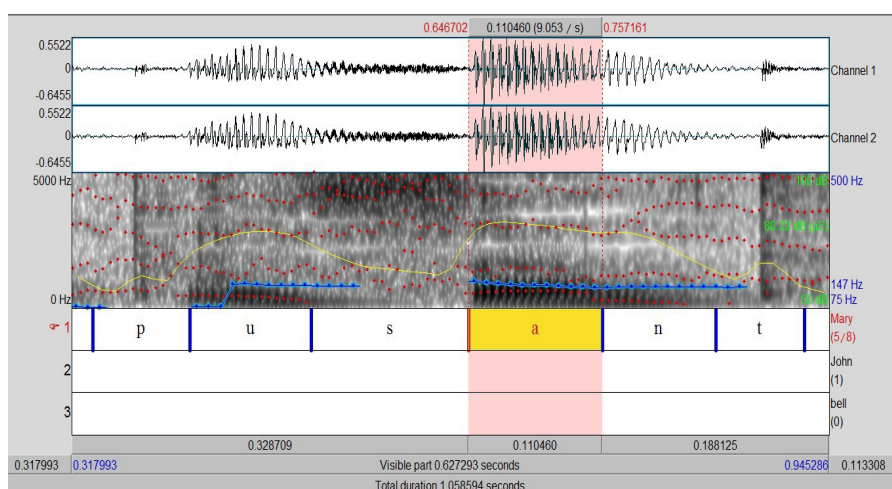
об. *hanʃəht* ‘они пишут’ — тавд. *khanʃant* ‘они пишут’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 76] — хант. юж. ирт. *Xanʃs'ém* ‘я пишу’ [Кастрен рукопись];

об. *púse* ‘он кладет’;

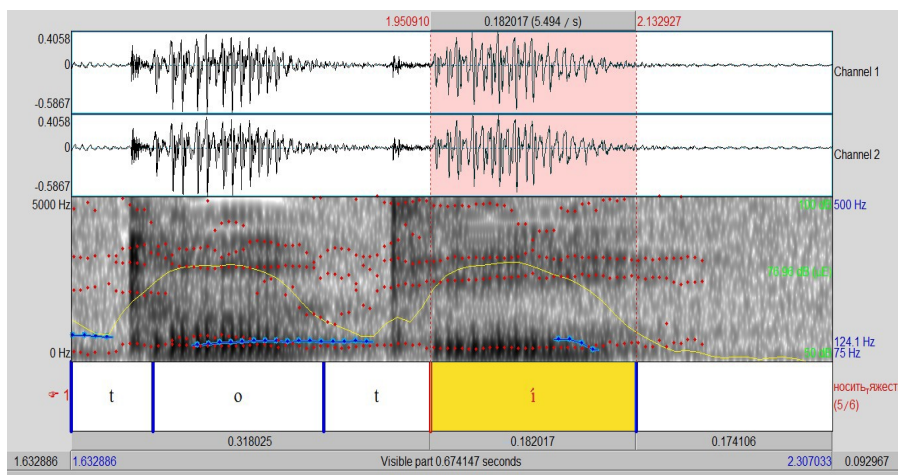
об. *pusánt* ‘они кладут’ — тавд. *puńánt, puńánt* ‘они кладут’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 477] — хант. юж. ирт. *Pâném* ‘я кладу’ [Кастрен рукопись].

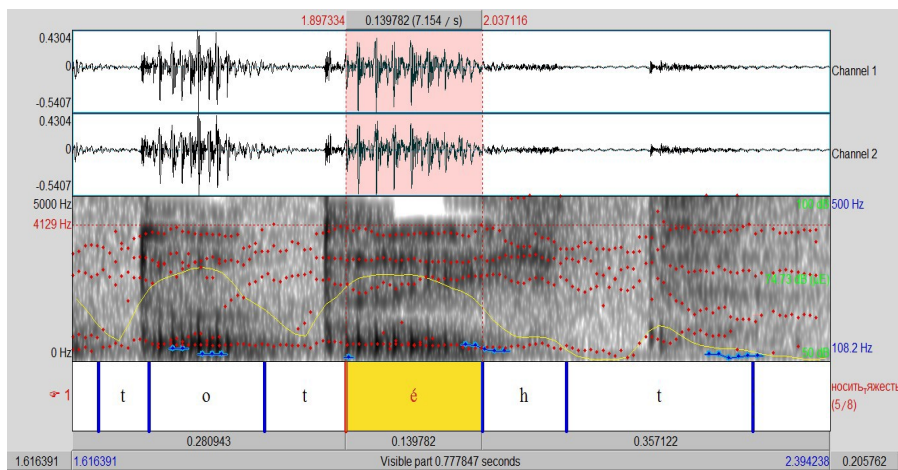
Для слова ‘нести’ представлены не вполне ясные данные. В обском диалекте мансийского языка место ударения в форме PRS.3SG *toti* ‘он несет’, которое и является определяющим для различения типов

II и III(b), не до конца ясно; в тавдинском диалекте мансийского языка в форме PRS.3PL *tâtant*, *tatant* ‘они несут’ ударение падает на первый слог, что в сочетании с четким ударением на втором слоге в обском диалекте в форме PRS.3PL *totéht* ‘они несут’, возможно, указывает на тип III(b):

об. *totí* ‘он несет’;

об. *totéht* ‘они несут’ — тавд. *tâtant*, *tatant* ‘они несут’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 666].

Итак, на основании сопоставления места ударения в обском (северном) и тавдинском (южном) диалектах мансийского языка и иртышском южнохантыйском можно предположить, что на прамансийском и праобско-угорском уровнях было четыре акцентные парадигмы, которые перешли в три акцентные парадигмы в обском диалекте и в две акцентные парадигмы в южнохантыйском (Табл. 2).

Интересно, что наличие трех акцентных парадигм в обском диалекте надежно подтверждается данными тавдинского диалекта мансийского языка и иртышскими южнохантыйскими данными, в которых для каждой из парадигм представлены разные соответствия.

Таблица 2

	I группа	II группа	III(a) группа	III(b) группа
манс. об.	ударение на первом слоге	ударение на втором слоге	ударение разноместное	ударение разноместное
манс. тавд. [Munkácsi, Kálmán 1986]	ударение на первом слоге	ударение на втором слоге	ударение на втором слоге	ударение на первом слоге
хант. юж. ирт. [Кастрен рукопись]	ударение на втором слоге	ударение на первом слоге	ударение на втором слоге	ударение на втором слоге

Во второй части статьи мы приведем материал по юкондинскому (восточному) диалекту мансийского языка, который также дает нетривиальные дополнительные свидетельства в пользу реконструкции четырех различных акцентных парадигм уже на прамансийском уровне.

Сокращения

Языки и диалекты

манс. — мансийский	хант. — хантыйский
об. — обской диалект	юж. — южные диалекты
тавд. — тавдинский диалект	ирт. — иртышский диалект, по данным из архива М. А. Кастрена

Общие

а. п. — акцентная парадигма	PRS — настоящее время	1 — первое лицо
DU — двойственное число	PST — прошедшее время	2 — второе лицо
PL — множественное число	SG — единственное число	3 — третье лицо

Литература

Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000. {*Dybo V. A. Morfonologizovannye paradigmatische aktsentnye sistemy: Tipologija i genezis. Vol. 1. M., 2000.*}

Кастрен рукопись — Кастрен М. А. Рукописный словарь иртышских говоров хантыйского языка // Архив Финно-угорского общества им. М. А. Кастрена, Хельсинки. {*Castrén M. A. Rukopisnyj slovar' irtyshskih govorov hantjyskogo jazyka // Arhiv Finno-ugorskogo obshchestva im. M. A. Castrena, Hel'sinki.*}

Норманская 2013 — Норманская Ю. В. Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013, 2 (2). С. 56—68. {*Normanskaja Ju. V. Razgadka printsipov postanovki udarenija v vas'uganskom dialekte hantjyskogo jazyka // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2013, 2 (2). P. 56—68.*}

Норманская 2014 — Норманская Ю. В. Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южнохантыйском (по материалам архива М. А. Кастрена) // *Linguistica Uralica*. 2014, 4 (50). С. 283—302. {*Normanskaja Ju. V. Sistema udarenija v niz'amskom dialekte hantjyskogo jazyka (ekspeditcionnye dannye) i ejo paralleli v juzhnohantjyskom (po materialam arhiva M. A. Castrena) // Linguistica Uralica. 2014, 4 (50). P. 283—302.*}

Ромбандеева 1973 — Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык: Фонетика. Морфология. Словообразование. М., 1973. {*Rombandeeva E. I. Mansijskij (vogul'skij) jazyk: Fonetika. Morfologija. Slovoobrazovanie. M., 1973.*}

Сайнахова 2012 — Сайнахова А. И. Диалектология мансийского языка: Учебное пособие. Ханты-Мансийск, 2012. {*Sajnahova A. I. Dialektologija mansijskogo jazyka: Uchebnoe posobie. Hanty-Mansijsk, 2012.*}

Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык / Сост. свящ. Верхне-Пельмского (Спасского) прихода о. Константин Словцов. Тобольск, 1905. {*Opyt russko-vogul'skogo slovar'a i perevod na vogul'skij jazyk / Sost. sv'ashch. Verhne-Pelymskogo (Spasskogo) prihoda o. Konstantin Slovtsov. Tobol'sk, 1905.*}

Honti 1975 — Honti L. System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. Budapest—Paris, 1975.

Honti 1982 — Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Kannisto 1982 — Wogulische Völkedichtung: Wörterverzeichnis zu den Bänden I—VI. Bd. VII / Gesammelt und übersetzt von Kannisto A. Bearb. von Liimola M., Eiras V. Helsinki, 1982.

Munkácsi 1894 — Munkácsi B. A Vogul nyelvjárások szöragozásukban ismertette. Budapest, 1894.

Munkácsi, Kálmán 1986 — Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest, 1986.

Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. Ostyak texts in the Obdorsk dialect. (= *Studia Uralica*. Bd. 9.) Wiesbaden, 1999.

РЕЗЮМЕ

В статье описаны правила постановки ударения у глаголов разных типов в обском диалекте мансийского языка на основании полевого материала, собранного И. А. Стениным в 2013 г. Предложены правила соотношения места ударения у глаголов в обском (полевые данные) и тавдинском (данные Б. Мункачи) диалектах мансийского языка и иртышском диалекте хантыйского языка (данные М. А. Кастрена).

SUMMARY

In the article the rules of an accent place of verbs of different types in the Ob dialect of the Mansi language are described on the basis of the field data collected by Ivan A. Stenin in 2013. The hypothesis about the correlation between the accent place of the verbs in the Ob (the field data) and Tavdin (B. Munkácsi's data) dialects of Mansi and in the Irtysh dialect (M. A. Castrén's data) of the Khanty language is offered.

Ключевые слова: мансийский язык, хантыйский язык, ударение, глагол, диалекты

Keywords: Mansi, Khanty, accent, verb, dialects